

УДК 343.01

ЧУКИН ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии, г. Саратов)
dchukin@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ: ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ВОПРОСЫ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются изменения Уголовного кодекса РФ, вызванные необходимостью противодействия распространению новой коронавирусной инфекции на территории РФ, как следствие уголовно-правовой политики государства. Констатируется наличие правовой неопределенности при законодательном установлении признаков конкретных преступлений, а так же при разграничении уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений, что порождает широкие пределы судейского усмотрения. Даются рекомендации по корректировке уголовно-правовых предписаний.

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция, уголовно-правовая политика, уголовная ответственность, правовая неопределенность, судейское усмотрение.

*Судья – это говорящий закон,
а закон – это немой судья.
Цицерон*

Локальная вспышка инфекции в декабре 2019 года, вызванная распространением коронавируса SARS-CoV-2, 30 января 2020 года была объявлена Всемирной организацией здравоохранения чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а 11 марта 2020 г. – пандемией, которая настолько изменила нашу общественно-политическую реальность, что сегодня можно с уверенностью утверждать, что мир уже никогда не будет прежним.

На 14 ноября 2021 года в мире было зарегистрировано более 255 миллионов случаев этого заболевания, более 5 миллионов закончились летальным исходом, что делает пандемию COVID-19 одной из самых смертоносных в истории [1].

По вопросам противодействия новой коронавирусной инфекции и другим инфекционным заболеваниям 9–10 декабря 2021 года в Санкт-Петербурге под эгидой Роспотребнадзора на базе НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера прошла

II Международная научно-практическая конференция, итоги которой в очередной раз подтвердили всю серьезность сложившейся на сегодняшний день ситуации.

Вместе с тем ограничительные меры, принимаемые органами государственной власти, наткнулись на яростное сопротивление противников вакцинации, которые ничем не подкрепленной убежденностью вставляют палки в колеса эффективным мерам по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции.

Многие сторонники теории мирового заговора в связи с этим выдвигают различные конспирологические версии: от того, что вируса COVID-19 на самом деле не существует, до утверждения, что он носит искусственное происхождение, а цель его разработки – экономическая либо мальтузианская (снижение население земли и улучшение генофонда).

В своих обращениях к гражданам России Президент РФ В. В. Путин, апеллируя к логике и здравому смыслу, последовательно обосновал необходимость введения

жестких ограничительных мер, вплоть до локдауна, цель которых – не допустить распространения вируса и минимизировать количество заболеваний и летальных исходов.

В нашем обиходе в связи пандемией появилось много неологизмов: удаленка, антиваксеры, QR-код, карантинкулы, социальная дистанция и пр. Идет в ногу со временем и законодательство, в том числе уголовное.

Нынешняя общественно-политическая реальность, порожденная угрозой распространения новой коронавирусной инфекции, диктует необходимость корректировки существующих правовых норм, а так же введения новых правовых предписаний, отвечающих требованиям общественной и государственной безопасности.

Уголовно-правовая политика, как часть уголовной политики и основное направление обеспечения общественной безопасности, базируется на взаимосвязи с социальной политикой государства, а так же профилактикой преступности.

Еще в конце XIX века, рассуждая об объекте уголовно-правовой охраны, выдающийся отечественный правовед, родоначальник русского уголовного права Н. С. Таганцев отмечал, что «правоохраняемые интересы изменяются в истории каждого народа сообразно с изменением условий государственной и общественной жизни» [2, с. 42].

Таким образом, появление в Уголовном кодексе РФ статей, направленных на ограничение распространения новой коронавирусной инфекции – это естественное следствие уголовно-правовой политики, диктуемое жизненными потребностями.

Вопросы, связанные с новой коронавирусной инфекцией, явились ядром, вокруг которого построил свое послание Федеральному собранию РФ 21 апреля 2021 года В. В. Путин. Он, в частности, отметил, что вакцинация занимает центральное место в деле противодействия распространению заболевания, является главной мерой, способной заблокировать опасную, смертельную инфекцию.

Несмотря на это, нежелание вакцинироваться, основанное на распространенных мифах о вакцинах и убежденности в их пагубном влиянии на человека, породило спрос на поддельные сертификаты о вакцинации и QR-коды. Поскольку ранее следственно-судебная практика не имела дела с

подобного рода махинациями, разумно возник вопрос: как квалифицировать такие деяния и какую ответственность будут нести граждане за их совершение?

Статья 327 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за подделку официальных документов, но перечень предметов данного преступления остается открытым [3, с. 42].

Верховный Суд РФ к таким предметам относит официальный документ, предназначенный для подтверждения прав и полномочий, предоставленных лицу в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации, а так же документы, удостоверяющие юридически значимые факты [4].

Поскольку сертификат о вакцинации является документом, наделяющим лицо различными правами, в том числе правом свободного доступа в общественные места, его вполне обоснованно можно признать предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ.

Таким образом, действия лица, которое изготовило поддельный сертификат о вакцинации, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 327 УК РФ в том случае, если он совершил это с целью его использования или сбыта (продажи).

В том случае, если лицо приобретает (покупает) и использует поддельный сертификат о вакцинации, думается, что его действия образуют признаки преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ.

Следующее веяние уголовно-правовой политики, порожденное распространением COVID-19, проявилось в изменении ст. 236 УК РФ – «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил». Ранее уголовная ответственность за нарушение данных правил наступала только в случае массового заболевания или отравления людей, либо смерти человека.

В целях совершенствования механизмов защиты граждан Российской Федерации от угрозы распространения инфекционных заболеваний, а также повышения гражданской ответственности, Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ положения ст. 236 УК РФ были изменены: ч. 1 данной статьи теперь предполагает ответственность, в том числе за угрозу массового заболевания людей, то есть состав преступления является формальным. Кроме того, произошло ужесточение санкции по ч. 2 ст. 236, предусматривающей

наступление по неосторожности смерти человека, и введена ч. 3, устанавливающая ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц.

Законодательное изменение ч. 1 ст. 236 УК РФ вполне обоснованно поднимает вопрос: как правоприменителю понять, что нарушение санитарно-эпидемиологических правил действительно создает угрозу, за которую может наступать уголовная ответственность?

Как отмечает Верховный Суд, такие признаки, как «массовое заболевание или отравление людей» либо «создание угрозы наступления таких последствий» относятся к категории оценочных. Необходимо, чтобы угроза была реальна, то есть ненаступление указанных последствий произошло лишь в результате вовремя принятых должностными лицами и органами государственной власти мер, направленных на предотвращение распространения инфекционного заболевания, или в результате иных обстоятельств, не зависящих от воли лица, нарушившего указанные правила [5].

Однако данное разъяснение Верховного Суда РФ оставляет широкий простор для толкования, что, на наш взгляд, как и всякое другое оценочное понятие, содержащееся в Уголовном кодексе РФ, является основанием для судебного усмотрения [6, 7, 8].

Кроме того, по формальным признакам указанное деяние аналогично ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, которая предусматривает ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и невыполнении противоэпидемических мероприятий, которые совершены при угрозе распространения заболевания, представляющего повышенную опасность для окружающих.

Верховный Суд при ответе на вопросы, возникающие в судебной практике, тактично обошел стороной аспекты разграничения уголовной и административной ответственности, что, на наш взгляд, подтверждает наличие правовой неопределенности в данной сфере.

Еще одним шагом по уголовно-правовому противодействию распространению новой коронавирусной инфекции явилось

дополнение Уголовного кодекса РФ статьями 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия».

Согласно примечанию к ст. 207.1 УК РФ, под обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, понимаются эпидемии и иные обстоятельства, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения.

Между тем законодатель не разъясняет, что следует понимать под общественно значимой информацией для целей ст. 207.2 УК РФ. Таким образом, вопрос о том, за распространение какой конкретно информации наступает уголовная ответственность, остается открытым.

Итоги проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Изменение и дополнение отдельных законодательных норм, как следствие уголовно-правовой политики в области противодействия распространению новой коронавирусной инфекции, на наш взгляд, не в полной мере отвечает принципам четкости и конкретности построения юридических предписаний.

Таким образом, происходит растягивание пределов применения правовых норм, как следствие введения в Уголовный кодекс РФ оценочных понятий, что порождает правовую неопределенность и существенно расширяет сферу судебного усмотрения при принятии правовых решений, что не может не влиять на реализацию принципа справедливости [9, 10].

В целях устранения указанных выше недостатков автору представляется целесообразным сделать следующие предложения для совершенствования законодательства:

1. Внести изменение в ч. 1 ст. 336 УК РФ, исключив угрозу как признак объективной стороны данного преступления, вернув указанную правовую норму к предыдущей законодательной редакции.

2. Дополнить ст. 207.2 УК РФ примечанием, включив в него определение общественно значимой информации, за публичное распространение которой наступает уголовная ответственность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). ArcGIS. Johns Hopkins University. – URL: <https://gisanddata.maps.arcgis.com> (дата обращения: 14.11.2021).
2. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: [в 2 частях] / Н. С. Таганцев. – Часть 1. – Москва: Юрайт, 2020. – 414 с.
3. Чукин, Д. С. Объекты с биометрическими данными как предмет преступления, предусмотренного статьей 327 УК РФ / Д. С. Чукин, С. И. Муфаздалов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 4(273). – С. 37–42.
4. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 // Российская газета. – 2020. – № 296.
5. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 6, июнь.
6. Чукин, Д. С. Принцип справедливости и его реализация при усмотрении правоприменителя / Д. С. Чукин // Научный портал МВД России. – 2017. – № 1. – С. 64–68.
7. Чукин, Д. С. Усмотрение в праве: концептуальные основы / Д. С. Чукин // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2020. – № 1. – С. 155–160.
8. Чукин, Д. С. Судейское усмотрение и его пределы при назначении уголовного наказания / Д. С. Чукин // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2020. – № 4. – С. 85–89.
9. Глухов, Е. А. Законность, справедливость и целесообразность толкования законодательства военно-судебными органами / Е. А. Глухов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2011. – № 9(171). – С. 63–71.
10. Голикова, А. В. Пандемический кризис и уголовная политика: экспертная оценка законодательных инноваций / А. В. Голикова, Д. А. Ковлагина, Е. В. Пономаренко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 4(141). – С. 121–129.

CHUKIN DMITRY SERGEEVICH

Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
(Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov)

**JCRIMINAL LAW POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING THE SPREAD
OF A NEW CORONAVIRUS INFECTION: LEGAL UNCERTAINTY AND ISSUES
OF JUDICIAL DISCRETION**

Abstract. The article analyzes the changes in the Criminal Code of the Russian Federation caused by the need to counteract the spread of a new coronavirus infection in the territory of the Russian Federation as a consequence of the criminal law policy of the state. It is stated that there is legal uncertainty in the legislative establishment of signs of specific crimes, as well as in the differentiation of criminally punishable acts and administrative offenses, which gives rise to wide limits of judicial discretion. Recommendations on the correction of criminal law regulations are given.

Keywords: new coronavirus infection, criminal law policy, criminal liability, legal uncertainty, judicial discretion.
